

Владимир Горбань

ВЕСЕЛАЯ ПОВЕСТЬ
О ПРОШЛОМ
И БУДУЩЕМ

Данная книга представляет собой смесь разнообразных жанров. Она очень смешная по сути, а фактически представляет собой политический детектив с элементами ненаучной фантастики. Главный герой — журналист, принимающий участие в губернаторских выборах, чудесным образом перемещается в компании с другими забавными персонажами из 1996 года в 1296 год. В повести описано прошлое и будущее. Но вот что является будущим: 1996 и 1296 — в этом и есть главная интрига повествования.

Владимир Горбань

Веселая повесть о прошлом и будущем

Остросюжетная повесть

Местные бомжи Кривой и Шляпа очень сильно недоумевали, и тому была веская причина...

В губернском городе Желтогорске понедельник 1 апреля 1996 года выдался вполне жизнерадостным днем... Малоизвестный журналист и начинающий писатель Серафим Штопаный около полудня не спеша, озирая любопытным взглядом окружающий мир, возвращался в редакцию газеты «События. Факты. Советы».

Светило яркое лучистое солнышко, подсушивая остатки грязи в выбоинах тротуаров, с ветвей еще обнаженных деревьев суетливо щебетали птички, прохожие с озабоченными лицами сновали туда — сюда, светофоры бодро регулировали движение, с приходом весны жизнь набирала обороты.

На перекрестке улиц Горького и Сакко и Ванцетти у овощного магазина Серафим остановился и закурил. И заметил, что шнурок его правого ботинка развязался. А ботинки у Серафима были понтовые: высокие, почти ковбойские,

крепкие, темно — желтого цвета, мечта журналиста, которого, как известно, ноги кормят. Эти прекрасные ботинки ему подарила Валентина Алексеевна, знакомая поэтесса, порой противоречивая, но очень добродушная женщина. Серафим нагнулся завязать шнурок и увидел странную монетку. Размером она походила на три копейки советского образца. Монетка была очень темная и явно старинная. Что было на ней изображено, разобрать было трудно, какой — то восточный орнамент. Серафим завязал шнурок, поднял монетку и сунул ее в карман куртки...

— Фима, ну и где тебя бесы носят?! — возмущенно спросила Людочка, высокая, большеглазая, очень красивая блондинка, секретарша главного редактора. — Шеф тебя с самого утра домогается!

Шеф, он же Алексей Николаевич, он же — старик, в некоторых случаях — старый пердун, он же — козел, он же — бабник, карьерист, губернаторская подстилка, графоман, скандалист, коммунистический клевет, маразматик, душегуб, кусок идиота... У этого высокого симпатичного мужчины лет пятидесяти от роду в редакции имелось множество подходящих кличек и прозвищ.

— Фима, ну и где тебя черти носят?! — Алексей Николаевич нервно расхаживал по кабинету с бутылкой в руке. В бутылке находилась

вода. Шеф, когда сильно психовал, имел привычку поливать комнатные растения. А психовал он частенько, мучая тем самым не только сотрудников редакции, но и многочисленные бегонии, сциндапусы, гиацинты, фикусы, крокусы, примулы, розы, фиалки, гибискусы, бальзамины, традесканции и кактусы...

— А что случилось?!

Шеф сквозь большие роговые очки посмотрел на Фиму, как психиатр на пациента и уставшим голосом произнес:

— А что, что-то должно случиться, чтобы сотрудник редакции находился на своем рабочем месте?

— Виноват, Алексей Николаевич!

— Виноват, виноват..., — старик быстро подобрел. — Тебе тут с самого утра какие — то странные типы названивают. Уже чуть ли не провод телефонный оборвали! Какой-то Слепой и Панама! Кто такие?!

— Кривой и Шляпа, — поправил Фима шефа. — Это мои хорошие знакомые.

— Странные у тебя, Серафим Серафимович, знакомые! — Алексей Николаевич перестал поливать растения и уселся за свой большой редакторский стол. — Какой-то крокодил...

— Крокодил — это бывший полковник КГБ, — усмехнулся Фима.

— Какой — то раскудрявый дуб зеленый...

— А это — нынешний мэр Желтогорска, Борис Юрьевич.

— Не считаешь ты людей! — лицо Алексея Николаевича перекосила недовольная гримаса. — Все у тебя хиханьки да хаханьки! Никакой серьезности в поступках и разговорах. Фельетоны пишешь хорошие, в этом деле ты — молодец и передовик. Но как быть с остальным?! Ну, мне же уже сверху звонили...

— Жаловались?

— Типун тебе, Фима, на язык! Предупреждали! Предупреждали, что вот — вот..., — лицо шефа приобрело мучительное выражение, — вот — вот президент снимет губернатора и на его место назначит... Это очень секретная, Фима, информация!

— Понимаю.

— Да чего ты понимаешь?! Чего вы вообще все понимаете?! Ничего вы не понимаете! Все вы тут несерьезные люди! Всех вас давно пора разогнать и набрать других! Набрать серьезных, ответственных... товарищей. С кем мне приходится работать! Кто будет писать?!

— О чем?

— Ни о чем, а о ком! Я же тебе, Фима, русским языком объясняю — мне звонили!

— Кривой и Шляпа?

— Да причем тут Кривой и Шляпа?! Мне из самого Кремля звонили!

— Президент?

— Да причем здесь президент?! Ты что, Фима, издеваешься надо мной или ты — идиот?! Что, в Кремле других людей нет?!

— Я не знаю...

— Мне уже звонили! Просили мобилизовать коллектив! Это, понимаешь, хорошее финансирование!

— Понимаю.

— Да ни хрена ты ничего не понимаешь! Решение будет принято через две недели! Надо готовиться!

— Я готов!

Алексей Николаевич выскочил из — за стола, схватил бутылку с водой и забегал по кабинету. Лицо его покраснелось, глаза загорелись гневным огнем.

— Иди отсюда! — крикнул шеф в ярости. — Иди отсюда и до самого вечера не попадайся мне на глаза!

Фима вышел из редакторского кабинета.

— Тебе опять звонили, — недовольным голосом сообщила Людочка.

— Кто?

— Какой — то Глухой и Кепка.

— Кривой и Шляпа?

— Я что, всех помнить должна?! — окончательно рассердилась Людочка, наливая из графина в стакан воду, чтобы полить растения на подоконнике. — Не редакция, а телефонная станция!

В едва раскрытую дверь просунулась кудрявая голова Аркашки Шмоглина.

— Фима, ты тут? — Аркадий частенько задавал глупые вопросы.

— Тут, — тяжело вздохнул Штопаный.

— Тебя к телефону!

Голова Аркашки исчезла, дверь осталась не закрытой.

— Когда же вы уgomонитесь!? — взмолилась Людочка. — Не редакция, а проходной двор!

Штопаный быстрым шагом направился в общую комнату, где столовался еще с тремя корреспондентами. Взял телефонную трубку:

— Алло!

— Здравствуйте, Серафим Серафимович! — голос был взволнован и заметно дребезжал.

— Здравствуйте.

— Это Кривой и Шляпа вас беспокоят! Нам надо бы срочно встретиться! У нас тут такое... такое!

— Что случилось? Взрыв на атомной станции? — попытался пошутить Фима.

— Хуже!

— Хуже?!

— Да, гораздо хуже! Но об этом не по телефону. Приходите срочно...

* * *

Валентина Алексеевна, бодрая и эффектная блондинка семидесяти лет, вдова со стажем, бывший заместитель главного редактора областной газеты «Большевик», поэтесса — универсал в очередной раз страстно влюбилась. Надо отметить, что влюблялась она и раньше, влюблялась по нескольку раз в год. Но теперь это была особая, юбилейная влюбленность. Валентина Алексеевна влюбилась в сотый раз. И она дала себе крепкое слово: больше ни — ни...

Объектом ее влюбленности стал Альберт Альбертович, сорокалетний врач — эндокринолог областного медицинского центра, у которого Валентина Алексеевна наблюдалась по причине своего сахарного диабета. Альберт Альбертович был высок, худощав, жгуче кареглаз, он носил халат на голую грудь, для форсу модные очки в тонкой золоченой оправе. Ладони у него были белые, ухоженные кремом, пальцы тонкие, ногти тщательно обработанные. Он всегда неукоснительно чисто брился и источал приятный запах дорогого одеколona. Альберт Альбертович

был метросексуалом и выглядел лет на десять — двенадцать моложе своих паспортных лет...

Накануне визита к врачу Валентина Алексеевна посетила парикмахершу, маникюршу и визажистку. Она основательно подготовилась к обольщению, благо опыт в этом деле был у нее немалый. И с утра 1 апреля отправилась на прием. Была она ослепительно очаровательна. Красные модные сапожки, красное шерстяное пальто, красная большая шляпа, красный шелковый шарфик, красные тонкие перчатки, красная кожаная сумочка, красный раскладной зонт, красные пухлые губки... и зеленые ревнивые глаза.

К Альберту Альбертовичу уже выстроилась внушительная очередь: несколько говорливых толстых старушек и солидный пожилой мужчина, похожий лицом на какого — то артиста театра и кино.

Очередь двигалась медленно. Старушки громко обсуждали свои многочисленные болезни, пожилой мужчина, насупившись, молчал, Валентина Алексеевна радостно улыбалась, душа ее порывисто трепетала от предстоящей встречи с объектом ее последней влюбленности.

Из кабинета врача выскочила молоденькая смазливая медсестра и оценивающе оглядела старушек, солидного пожилого мужчину и Валентину Алексеевну. Их взгляды на мгновение

встретились.

«Вертихвостка», — подумала Валентина Алексеевна.

«Старая крыса», — подумала медсестра и вернулась в кабинет, громко хлопнув дверью.

Время тянулось медленно, как балетный спектакль «Лебединое озеро» в исполнении артистов Кишиневского оперного театра...

Ближе к обеду очередь дошла и до Валентины Алексеевны. Она с трепетом переступила порог врачебного кабинета.

— Здравствуйте, доктор, — нежным грудным голосом произнесла Валентина Алексеевна и зарделась.

— Здравствуйте, — устало ответил Альберт Альбертович и, указывая на стул, добавил, — присаживайтесь.

— Весьма мерси, — сказала поэтесса и уселась на стул, кокетливо забросив одну ногу на другую.

Доктор посмотрел на красные модные сапожки, на черные ажурные чулки, заглянул в большие зеленые ревнивые глаза...

— На что жалуемся, мадам?

Валентина Алексеевна сделала гигантскую паузу, полная ее грудь волнительно дышала.

— Я хотела, что бы вы осмотрели меня, доктор...

— Осмотрел? — Альберт Альбертович слегка опешил. — На предмет чего?

— Я хотела, чтобы вы осмотрели меня всю...

— Это как?! Вы, мадам, ничего не перепутали? Вам точно нужно ко мне? Не к гинекологу?

Медсестра ядовито рассмеялась. Наступила неловкая пауза. Ситуацию нужно было как — то сглаживать.

— Хорошо, — устало произнес Альберт Альбертович, — идите за ширму, раздевайтесь, я вас посмотрю. А ты, Светочка, — обратился он к медсестре, сходи пока в буфет, купи мне большую шоколадку.

Валентина Алексеевна возликовала!

— Все у вас хорошо, — после осмотра смущенно сказал доктор. — Давайте я вам еще давление померяю. Мне тут недавно коллеги новый прибор принесли, надо бы его протестировать.

И тут вернулась запыхавшаяся медсестра.

— А где шоколадка? — удивился Альберт Альбертович.

Медсестра ничего не ответила. В буфет она естественно не ходила, а все это время простояла под дверью.

— Мадам, а хотите, я вам такси вызову? — спросил Альберт Альбертович. — Ну не на трамвае же ехать такой очаровательной женщине.

Валентина Алексеевна чуть не грохнулась в тяжелый обморок от большого счастья.

Альберт Альбертович поднял трубку служебного телефона и набрал номер.

«До чего же он мил», — подумала Валентина Алексеевна: «и образован, остроумен, а пальчики у него такие нежные — нежные, ласковые — ласковые...»

— Ну, вот, такси я вам заказал, — смущенно произнес Альберт Альбертович. — Сейчас подойдет черная «Ауди», номер 412.

— А когда, доктор, мы с вами встретимся еще раз?

— Ну, загляните ко мне через месячишко...

Валентина Алексеевна сильно расстроилась. Она спускалась по лестнице и слезы туманили ее ревнивые зеленые глаза.

На улице порывом ветра чуть не вырвало у нее из руки красный складной зонтик...

Валентина Алексеевна увидела черную машину, подошла к ней со стороны пассажирского кресла, дернула за дверцу. Дверца была заперта.

— Чего тебе? — грубо спросил водила, крупный коротко стриженный молодец с толстой золотой цепью на короткой бычьей шее.

— Век воли не видать! — расстроенным голосом произнесла Валентина Алексеевна. — Открывай!

— Колеса с собой? — спросил водила.

— С собой, с собой... Открывай быстрее!

Ветер на улице!

— Садись сзади! — буркнул водила.

Валентина Алексеевна едва уселась на заднее кресло и в грубом приказном тоне заявила:

— На Рабочую!

— Без тебя знаю!

Автомобиль резко тронулся с места. Водила включил громкую музыку. Салон заполнил блатной шансон.

— Таганка, все ночи полные огня! Таганка, зачем сгубила ты меня? — душевно пел неизвестный исполнитель.

— Выключите эту гадость! — крикнула Валентина Алексеевна.

— Ты чего? — удивился водила. — Не в духе что ли?

— Отстань!

— Ломка что ли?

— Отстань!

Водила выключил музыку.

— Ты буратино что ли?

— Чего? — не поняла Валентина Алексеевна.

— Колешься?

— Колюсь.

— И сколько раз в день?

— Четыре...

— Ничего себе! — удивился водила. — Ну, ты совсем уже испорченная! Стакан и то два раза максимум.

— Да пошел ты!

— Не обижайся, я все понимаю. У меня тоже нервы. Особенно нервы, когда курить хочется, а сигарет нет. Сейчас приедем к Стакану, все образуется... Ты чем колешься?

— Инсулином.

— Чего? — водила остолбенел.

— Инсулином. У меня диабет второго типа...

— Чего? — еще больше опупел водила. — А колеса у тебя с собой?

— Какие колеса?!

— Не понял! — водила вдарил по тормозам. — Ты кто?

— Лошадь в красном пальто! — зло выкрикнула Валентина Алексеевна...

* * *

Фотокорреспондент желтогорского еженедельника «Спорт и туризм» Владимир Васильевич Томин возвращался с дачи домой. День неуклонно клонился к вечеру. И этот день 1 апреля, первый день отпуска складывался отлично...

На дачу Томин поехал с женой Лерой, трудолюбивой женщиной. Вскопал небольшую

грядку под огурцы и с непривычки сильно устал. К тому же ему очень хотелось выпить. Но Лера по этой части была зверь зверем. И Владимир Васильевич отправился на перекур к Максимычу, соседу по дачному участку.

Вошел в домик, дверь оказалась не запертой. Но в домике он обнаружил не Максимыча, а совершенно неизвестного человека, низкорослого, пузатого, лысого и довольно пожилого.

— А где Максимыч? — поинтересовался Томин.

— А нету! Я вместо него, — весело ответил незнакомец. Я месяц назад этот дачный участок у Максимыча перекупил. А вы, я видел в окно — сосед?

— Ну, да.

— Тогда давайте знакомится. Меня зовут Егор Егорович.

— Володя...

— Очень приятно, Володя. С чем ко мне пожаловали?

Томин слегка замялся. Очень уж солидно выглядел его новый сосед. Вылитый генерал на пенсии!

— Хотите чаю? — спросил Егор Егорович.

— Нет, лучше водки! — сознался Томин.

— Водки не держу... — задумчиво произнес Егор Егорович. — А вот в картейки... В картейки я

люблю переброситься! Не составите компанию?

Томин играл в карты как бог! Большого карточного шулера во всем почти миллионом Желтогорске было не сыскать. Играть с Томиным в карты, это все равно, что играть с Бобом Фишером в шахматы. Шансы на выигрыш нулевые при любом раскладе.

— А что, у вас карты есть? — обрадовался Томин.

— Так точно! Три новые колоды! — горделиво заявил Егор Егорович.

— А во что сыграем?

— А во что бы вы хотели?

— Да мне все равно!

— Может быть, в «очко»?

— Можно и в «очко»!

— На интерес, надеюсь? — глазки у Егора Егоровича азартно загорелись.

— Ну, не на щелбаны же! — усмехнулся Томин. В душе его запели соловьи. Вот уж повезло, так повезло. — Только у меня денег с собой нет, — сознался Владимир Васильевич.

— Это ничего! Это поправимо! Я вам в долг дам. По-соседски...

— Я только на секунду отлучусь, — сказал Томин. — Я тут с женой. Сбегаю, предупрежу ее и мигом назад.

— Я буду ждать, — радостно потирая руки,

произнес Егор Егорович. Он был ушлым картежником, как и многие, кто родился и вырос в Одессе...

Уселись играть.

— Девятнадцать, — открыл Томин карты.

Егор Егорович набрал «очко» с двух карт!

— Ничего, молодой человек, не везет в картах, повезет в чем — то еще. У вас я, вижу, молодая интересная жена. Радуйтесь!

— А, может быть, того еще...

— Чего того?

— Ну, еще разок перекинемся.

— Еще разок?

— Ну, да.

— Так у вас же денег нет!

— А давайте я что —нибудь другое поставлю...

— Что другое? — заинтриговался Егор Егорович. — Часы?

— Жену! — выпалил Томин.

— Жену? — Егор Егорович с интересом взглянул на Томина. На лице у Егора Егоровича проступила весьма похотливая улыбка:

— Ты это серьезно?

— Вполне!

— Ну... давай... попробуем, — процедил Егор Егорович, нервно потирая вспотевшие руки. — Надеюсь, ты знаешь, что такое карточный

долг?

— Вполне.

— Тогда по коням?

— По коням!

И тут Томину карта поперла!

— Двадцать!

— Очко!

— Еще. Еще. Еще. Перебор!

— Еще?

— Да! Себе!

— Очко!

— Очко!

— А у меня два туза!

Деньги у Егора Егоровича закончились. Он проиграл Томину огромную сумму. И был невероятно ошарашен. Последний раз его обыграли в Одессе на Старопортофранковской, 71 в 1970 году два заезжих фраера из Жмеринки...

— Ну, я пошел? — тихим виноватым голосом спросил Томин, распихивая деньги по карманам.

— Куда?

— К жене...

Егор Егорович от волнения даже раскашлялся. Проиграть такие деньжищи за какие-то полчаса!

— Погоди, — взмолился Егор Егорович. — Давай еще сыграем...

— В долг?

— Зачем в долг?! — смутился Егор

Егорович. — Я сейчас, подожди, — и он метнулся к шифоньеру, раскрыл его и снял с вешалки милицейский генеральский китель.

Томин офонарел.

— Идет? — спросил Егор Егорович. —

Продолжим?

— А это чей... китель?

— Мой!

— Так вы — генерал?!

— Да! Но я генерал — майор на пенсии!

Сначала Егор Егорович проиграл китель, а затем и фуражку...

Радостный Томин вернулся к жене.

— Где деньги?! — сурово спросила Лера.

— Какие деньги? — начал было валять ваньку

Владимир Васильевич.

— Деньги живо сюда! — Лера уперла руки в бока.

Томин отдал все деньги жене. А было их мало — не мало, а его зарплата фотокорреспондента за три года работы...

— А это что? — Лера указала пальцем на генеральский китель.

— Пиджак.

— Вижу, что пиджак! Зачем он тебе?

— В гараж буду в нем ходить...

— Смотри у меня! Знаю я твой дурацкий гараж!

Владимир Васильевич сделал болезненное лицо и схватился за поясницу.

— Лера, что — то мне нехорошо...

— Переутомился?

— Наверное.

— Ну, поезжай тогда домой. Толку тут от тебя...

Томин быстро собрался, и пока Лера не передумала, рванул на автобусную остановку. Рванул он, как молодой сайгак, прихватив с собой генеральский китель и фуражку...

Но радость всегда неполная, если нет выпить!

На автобусной остановке Томин лихо загнал по дешевке какому — то толстому дачнику генеральский китель. Тут же сбегал в соседний ларек и купил три бутылки розового портвейна. Первый день отпуска складывался у Владимира Васильевича просто отлично! За остановкой прямо из горлышка и без закуски он опорожнил первую бутылку. И сразу захорошело ему...

* * *

Яркое лучистое солнышко продолжало радостно светить. Серафим Штопанный выскочил из редакции, на ходу застегивая свою черную демисезонную куртку. Он очень спешил. Кривой и Шляпа ждали его в условленном месте. И если быть

конкретным, то Кривой и Шляпа дожидались Фиму в подвале одного из многоэтажных домов по улице Мичурина. От редакции это было недалеко, минут двадцать быстрым шагом.

Серафим уже не помнил всех подробностей, где и как он познакомился с этими интеллигентными желтогорскими бомжами. Приятелей у Фимы было неисчислимое множество, профессия к тому всячески обязывала...

Кривой выглядел лет на сорок пять. Был он высок, под два метра ростом, худощав, лохмат, глаз у него один сильно косил. Кривой довольно часто и весьма правдоподобно рассказывал всевозможные геологические байки и знал множество туристических песен. Ладони у него были крупные, рабочие. Однажды он заявил, что по отцу он литовец.

Шляпа был гораздо старше Кривого и в противоположность ему имел небольшой рост и непонятно откуда довольно внушительную упитанность. На самом деле его звали Константином Константиновичем, был он большим философом и действительно всегда пребывал в шляпе, оправдывая это тем, что у него очень нежная лысина. И летом его лысине жарко, а зимой ей холодно. Оставались еще поздняя весна и ранняя осень, времена в Желтогорске весьма температурно — комфортные, но, видимо, существовали у

Константина Константиновича и другие причины не ходить с непокрытой головой. О себе Шляпа рассказывать не любил. Лишь однажды обмолвился, мол, однажды на охоте с дорогим Леонидом Ильичем Брежневым... И тут же осекся.

Фима по опасным узким и склизким ступенькам осторожно спустился в подвал. Потянул на себя тяжелую металлическую дверь, изрядно покрытую ржавчиной. Раздался довольно громкий и противный лязг давно забывшего смазку дверного механизма.

— Привет, честной компании, — громко, но без ярких эмоций произнес Фима в полутьме. Какая — то едва горящая коптилка тускло освещала внутренности большого и сырого подвала.

— Привет, Фима! — обрадовался Кривой. Он со Шляпой сидел рядышком на каком-то удивительно длинном деревянном ящике, весьма похожем на гроб. — Проходи, мы тебя уже заждались!

— А что случилось?

— Да ты проходи, — добавил Шляпа, — тут так сразу все не расскажешь. Да и показать нам тебе надо кое-что.

— Свежий труп?

— Почему труп? — Шляпа слегка обиделся. — Почему сразу труп?! Здесь живут, между прочим, приличные интеллигентные в Бога

верующие люди. Кстати, сам — то ты как, в Бога веруешь?

— Стараюсь...

— Ну, проходи... проходи.

Фима подошел к Кривому и Шляпе, присел рядышком на ящик. Он оказался огромным вазоном для цветов.

— Ну, так что случилось, господа?

— Чаю хочешь? — предложил Кривой.

— Нет, спасибо.

— А разведенного спирта?

— Не могу, я на работе.

— Ну, тогда слушай, — и Кривой начал свой подробный рассказ. — Отправились мы сегодня с утра с Константином Константиновичем к своему давнему приятелю. Он живет в кочегарке на улице Кутякова. Есть там такая большая кочегарка, она на четыре многоэтажных дома от МВД. Может, знаешь?

— Ну.

— Так вот, пошли мы с утра в кочегарку к своему приятелю. Он там работает, там живет и там бизнесом занимается.

— Бизнесом?

— Ну, да. Там он грибы выращивает. Вешенки. В кочегарке всегда тепло, всегда сыро, самое милое дело для грибов. Так хорошо они у него, заразы растут, загляденье одно! И продаются